

1990. - 25 июля

«Я из повиновения вышел»

Десять лет с нами нет ВЫСОЦКОГО

Можно ли жить по совести, когда само устройство общества бессовестно?

Когда б такое ни было, а вопрос серьезен и по сей день, потому что он не риторический, потому что на него есть сразу два правильных, однозначных ответа: «Можно» и «Нельзя». Все зависит от того, кто и что в жизни выбирает.

Чаще всего большинство из нас молчаливо соглашалось — нет, нельзя. «А что мы могли поделать тогда, когда сами знаете, что творилось...» Это логика молчаливого большинства, достойная, впрочем, понимания: возможно ли требовать от каждого бунтарства, подвига самопожертвования?..

И мы могли бы еще долго следовать этой логике. И тихо жить с покорным мироощущением, оправдываясь тем, что в пресловутые застойные годы «никто поделать ничего не смог», если бы однажды нам не сказали: «Нет, смог один».

Разные люди свидетельствуют: Высоцкий любил эту песню по-особому и чаще других исполнял ее в концертах, песню «О том, который не стрелял». Если вы помните, там об армейском разведчике, который добыл, да не донес до своих «языка», чем и навлек на себя подозрения «особиста» Суэтина. Этот славный молодец в конце концов подвел разведчика под расстрел, накопав на него кучу компромата. И вот новоиспеченный враг народа стоит где-нибудь на опушке леса, перед ним взвод его товарищей, с винтовками, наделенными в грудь, и всем известно, что ни в чем он не виноват. Но приказ есть приказ, и ничего поделать нельзя. Нельзя?! У Высоцкого об этом так:

«Никто поделать ничего не смог

Нет. Смог... один, который не стрелял».

А что он смог? Что сумел изменить?

«...Но слышу: «Жив, зараза!

Ташите в медсанбат!
Расстреливать два раза
Уставы не велят».

Жив остался несправедливо приговоренный к смерти парень. Вот что он смог, тот, который отказался стрелять, когда взводу командовали «Пли!»

Песня написана в 73-м году. Вы помните то время, читатель... Песня о войне, да о войне ли? Скорей она о тех из нас, кто тогда полагал, что ничего нельзя поделать, кто привычно разводил руками: «А что я могу?» Высоцкий убеждал: ты можешь хотя бы не стрелять, не участвовать, не злословить о тех, кто открыто говорит правду.

«Но был один...» Теперь-то мы знаем, конечно: был не один. Людей, своей индивидуальной совестью противостоявших коллективной бессовестности, было все-таки больше. Но тогда, в 73-м, мало кто знал о них. Тогда для большинства в стране «был один, который не стрелял» — Владимир Высоцкий.

Сказано: «поэт в России больше, чем поэт». То, что Высоцкий поэт — несомненно. Но для меня несомненно и другое: это не все и даже не главное о нем. А главное же, на мой взгляд, в том, что он и был как раз гем самым «больше чем поэтом» для многих любивших и не любивших его. Для этого ему и дано было больше — бесстрашия, независимости, свободы.

Впервые услышав, я толком еще не понимал, почему так обжигала его «Охота на волков»? А он, еще тогда, в 68-м, почувал главное:

Не на равных играют

с волками

Егеря, но не дрогнет рука!

Оградив нам свободу

флажками,

Быют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить

традиций.

Видно, в детстве, слепые

щенки,

Мы, волчата, сосали

волчицу

И всосали — «Нельзя

за флажки!»

Помню, как «Охоте на волков» приписывалась чисто экологическая острота: дескать, ну как жестоки егеря, да и охотники — звери, не люди. Песня-то была о другом, не про волков, про нас с вами. Это мы, окруженные идеологическими флажками, оказались просто затравленным стадом в умелых руках «егерей». Это в наших социальных генах значилось: за флажки — нельзя! Почему нельзя, никто не знал. Нельзя, и все, страшно! Ох, как нужен был тогда кто-нибудь, кому пришла бы в голову эта нормальная мысль: «А что, если за флажки?...»

Я из повиновения вышел.
За флажки — жажда жизни
сильней!

Только сзади я радостно
слышал

Удивленные крики людей.

...А за флажками оказалась свобода, и «егеря» были уже бессильны, безвластны и оттого ничтожны. Что они могут, «егеря», когда ты по-настоящему свободен! Но шагнуть за флажки первым не просто и не каждому дано. Надо суметь победить, переломить в себе многое, вскормленное десятилетиями. Надо, чтобы для тебя свобода, правда и поступок по совести бы-

ли важнее всего, может быть, даже важнее жизни, тогда появится бесстрашие.

У Высоцкого было поразительно развито ощущение нравственного и безнравственного, позволявшее ему мгновенно решать, как поступить, и поступать, не раздумывая. Его товарищ по школе-студии МХАТ Георгий Епифанцев вспоминает: «Идем вдвоем — Володя, Лилия и я, идем по Большой Бронной. Группа парней уже на взводе. Мы проходим, и один из них говорит нам вслед что-то грязное, оскорбительное по отношению к Лиле. Володя оборачивается: «Кто сказал?» — «Я». И он этому парню немедленно врезал в челюсть. Мы продолжали движение, а за спиной слышим: «Молодец, парень!»

Он был бесстрашен, потому что знал — поступает справедливо. Оттого защищал слабых, оттого шел «за флажки». Понимал ли он, как это нужно было другим тогда — чтоб хоть кто-нибудь шагнул первым? Шагнул и сказал остальным: «Не бойтесь, это не больно, вы же видите, я жив!» Думаю, понимал, более того, сознавал это как миссию, доверенную ему людьми.

Меня ведь не рубили
на гонку завели

Меня просили: — Миг

не проворонь ты!

Узнай, а есть предел там,
на краю Земли?

И можно ли раздвинуть
горизонты?

Он раздвигал наш горизонт, как мог. Многие считают, что это стоило ему жизни. Говорят, что сердце его не выдержало борьбы с дураками, что судьба была его больно и постоянно, что он был глубоко несчастлив. Я не знаю. Мне только остается верить или не верить тем, кто знал его, кто был с ним рядом. Лично я верю Артуру Макарову — одному из самых близких друзей Высоцкого, еще с детских лет: «Жизнь у него была нормальной, а в последние годы — невероятная счастливая. Он очень многое успел сделать, он был безмерно любим народом...»

Он был бесстрашен, многих сумел излечить от трусости, его песни лечат от страха и по сей день. Он и сегодня зовет за собой, «за флажки», на свободу из-под стволов «егерей». Увы, и сегодня это под силу не многим. А что же остается остальным? Хотя бы «не стрелять» в тех, кто напел в себе силы шагнуть за очередной порог догм и вранья. «Не стрелять» — это тоже поступок.

Ю. ЛЕПСКИЙ.